18+

Вячеслав Дегтяренко

ДОРОГА К ЧЕДЖУ

Хроники путешествия

Вячеслав Дегтяренко

Дорога к Чеджу. Хроники путешествия

«Издательские решения»

Дегтяренко В. И.

Дорога к Чеджу. Хроники путешествия / В. И. Дегтяренко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835117-4

Книга «Дорога к Чеджу» представляет сборник заметок, рассказов, наблюдений, написанных в поезде Москва — Владивосток и во время отпуска в Южной Корее. Чеджу — остров вулканического происхождения, расположенный в Восточно-Китайском море. Его называют «корейскими Гавайями», или «Островом корейских молодожёнов».

ISBN 978-5-44-835117-4

© Дегтяренко В. И.
© Издательские решения

Содержание

Два дня до отпуска 6
Москва – Владивосток 7
Новосибирск. Ночь в музее и день в крематории 10
Новосибирск, день два 12
Новосибирск, день три 14
Поезд номер 70 Москва – Чита 16
Улан-Удэ 19
Улан-Удэ, день три 23
Поезд 12, Улан-Удэ – Чита 24
Чита 25
Поезд 2 Москва – Владивосток 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Дорога к Чеджу
Хроники путешествия
Вячеслав Иванович Дегтяренко

© Вячеслав Иванович Дегтяренко, 2018
ISBN 978-5-4483-5117-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Два дня до отпуска

– Что сказал ангиохирург?

– Сказал, что имеются признаки венозной недостаточности из-за повышения внутрибрюшного давления… Что надо носить компрессионный трикотаж, пить достаточное количество жидкости… Если много пить воды – будут отёки, если мало – разовьются тромбозы.

– А бегать разрешил?

– Нет… Можно только ходить… неинтенсивно… Но обязательно в компрессионных чулках… Остальное – так же, как и с водой.

– Может, мы сдадим твои билеты?

– Ты хочешь оставить меня одну в Москве на полтора месяца, просматривать ваши фотографии в вайбере и читать твои отчёты?

– А врач из женской консультации отпускает?

– Какой нормальный российский акушер-гинеколог разрешит женщине на третьем триместре сесть в поезд Москва-Владивосток и потом ещё месяц «скитаться» по Южной Корее? Сказала, что летим отдыхать в Италию. Попросила её заочно открыть больничный лист и отдать его по доверенности нашей соседке… Обещала привезти сыр и вино.

Москва – Владивосток

Мы вздохнули с облегчением, когда за пять минут до отправления поезда заняли свои места в купе. Если бы выбрали метро, то не успели. Договорились без счётчика с таксистом-частником, и, пока он не подъехал к Казанскому вокзалу, заметно нервничали.

Десять часов дороги пролетели одним мгновением. Рабочий день ещё не закончился, и пятница напоминала частыми телефонными звонками.

Дети резвились в мягком купе фирменного поезда «Енисей» с перерывом на тихий час, обед, ужин и просмотры мультфильмов. Проводница ненавязчиво предложила купить у неё безалкогольные алтайские настойки из марала и лимонника: «Повышает иммунитет… полезно для здоровья…» Попутно она провела краткий инструктаж по работе биотуалета с комментариями «можно пользоваться во время стоянки, ногами не становиться и мусор не бросать». Буфетчица из ресторана поинтересовалась выбором гарнира, временем подачи ужина и, в конце концов, сделала, «как кухня приготовила…» В два часа дня она принесла четыре термотарелки с большим количеством слипшегося риса и редким мясом.

При покупке билетов на сайте даже не обратил внимания на услугу «питание», но, как выяснилось, ужин предлагается лишь один раз на весь период поездки. Мы давно не путешествовали на «дальних поездах», и многое воспринималось в диковинку. Розетки в купе, несколько режимов освещения, сенсорные кнопки, стеклопакеты в окнах, кофе капсюльный «Lavazza blue mountain» (), телевизор с тремя каналами, радио с шестью, газеты-журналы и относительная чистота. На дверях служебного купе висят наклейки, что принимаются банковские карточки к оплате, но «устойчивой связи нет и желательно давать мелочь». www.rzd.ru *которого нет*

В нашей семье стало привычным сесть в самолёт и приземлиться за тысячу километров в иной субкультуре, а здесь изменения вроде, как и происходят, но не такие быстрые и глобальные. Для двухлетнего малыша главное – это режим, привычная еда и близость родителей. И лишь для девятилетней дочери чувашская кириллица на станции Шумерля представляется «заграницей», и она переспрашивает: «В какую страну мы приехали, папа?».

Мы ещё никуда не приехали, а любуемся своей. На самолёте ведь этого не ощущаешь. Не видишь радуг, сопровождающих кипучую зелень по обе стороны железнодорожного полотна, не выходишь на чистеньких станциях, одетых по моде в серый сайдинг, чтобы прикоснуться к быту, говору и отведать домашних плюшек, не видишь дым от вечернего костра на берегу Волги. Никто не стреляет на долгих тридцатиминутных станциях мелочь со словами «браток, дай, сколько не жалко…» Моя дочь мечтает о Париже, Токио, Сеуле, а я в её возрасте мечтал о самом большом в мире железнодорожном маршруте Харьков – Владивосток. Чтобы сесть в вагон и восемь суток любоваться тем, чем гордился в то время каждый пионер.

Конечно, не одни мимозные настроения определили выбор поезда в качестве альтернативы самолёту. Ведь если покупаешь билет на «Аэрофлот» туда-обратно месяцев за шесть-семь, то он выходит заметно дешевле, чем проезд в купе. Но в поезде можно спать, и это уже существенно экономит на гостиницах. Из вагонов можно выходить и делать остановки в крупных городах. Я разбил наш маршрут: Новосибирск, Улан-Удэ, Чита. С этими городами была связана моя служба, я часто бывал в них пятнадцать лет назад, и мне хотелось освежить в памяти ушедшее время.

А сколько нового за сегодняшний день я узнал! Не подозревал о существовании станций-городов: Пильна, Сергач, Навашино, Вековка. И хоть пока ничего не купил, но чувствовал, что пассажиров скорых поездов уважают в здешних ларях-магазинах и вековская продавщица приглашала совершать покупки без очереди. Опять же, подобного аттракциона нет ни в одной стране мира! Некоторые надписи вызывают улыбку: «Хлеб в одноразовой гигиенической упа-

ковке» или включение в «продуктовый набор» чёрного перца, соли, зубной пасты и влажных салфеток.

Сутки позади. Вторая проводница пропылесосила вагон и купе. Начальник поезда в сине-красной форме и двумя вышитыми золотыми звёздами на рукаве вкрадчиво зашёл в каждое купе и вежливо поинтересовался: «Всё ли устраивает пассажиров?»

Поезд бежит по лесам Свердловской области. Скоро мы пересечём границу Европы и въедем в Азию. Ночью замёрз на второй полке от дующего из потолка кондиционера. Но с этой неловкостью смирился. Как и с тем, что душ в вагоне отсутствует. Зато есть два спаренных умывальника, в одном из которых соорудил импровизированный поливочный механизм. Благо, что проводницы постоянно комплектуют санузлы бумажными полотенцами, салфетками и мылом. Интересно, а как они для себя решают вопрос с водными процедурами?

Существенным минусом остаётся непродуманность продпайка путешественника. Холодильников, СВЧ-печей, кофемашин нет. Лишь электротитан с перекипячённой водой спасает положение. В вагоне-ресторане пассажирам предлагаются комплексные завтраки, бизнес-ланч и детские блюда. Но половина из заявленного в меню отсутствует в отличие от винной карты. Пива, вина и водки по несколько десятков видов. «Кузбасский транспортный альянс заботится о пассажирах» – рекламный лозунг вагона.

– Вы скажите, что приготовить вашим детям… А мы на станции купим продукты! – сердобольно предлагает прокуренным осипшим голосом раскрашенная татуировками буфетчица-официантка, – на крайний случай сделаем макароны с сыром… В два года дети должны уже их есть…

У меня не вызывает симпатии её полуспортивный вид и скудость ассортимента. Она же опрашивает ночных пассажиров, что они будут есть на гарнир: рис или гречу и в десять утра разносит им ужин. Нам существенно повезло поужинать в четырнадцать часов. Да и с собой есть кофе, чай, сухофрукты, мюсли, фрукты-овощи и термоконтейнер с припасами – на первое время хватит.

Тридцать три часа дороги позади. В купейных вагонах половина пассажиров сменилось. В плацкартных ротация пассажиров произошла по второму-третьему разу. На редких двадцати-тридцатиминутных остановках проводники разрешают выходить на перрон. Похолодало, несмотря на солнечную погоду. Бритоголовые солдаты едут к своему первому месту службы. Новобранцы, судя по ещё мятой офисной форме. Они жадно курят и тайком от офицеров пьют пиво.

Дети знакомятся с новенькими ровесниками, играют в нехитрые забавы в коридоре. Мы читаем книги да спим. По местному телевидению фильмы повторяются по третьему-четвёртому разу. Подключил на планшетном мегафоне интернет по России за пятнадцать рублей в сутки и при хорошем сигнале общаюсь с друзьями в мессенджерах да проверяю почту. Вот, пожалуй, и все развлечения. После спешной столичной жизни время как будто застыло. Давно столько не лежал. Проехали границу Европы и Азии, Екатеринбург и Тюмень. За окном всё те же перелески, луга, речушки, да побитые временем перекошенные некрашеные дома в деревнях и сёлах. Обращает внимание редкое использование асфальта. Тропинки и полевые дороги. Население предпочитает отечественные машины зарубежному автопрому.

На вторые сутки дороги продукты, приготовленные дома, либо закончились, либо испортились. Хорошо, что в Екатеринбурге нас встретил друг Дима – бывший сослуживец и принёс к поезду местные йогурты с творожками и питьевую воду. На завтрак детям досталось молоко, мюсли и сухофрукты с бананами. Я хорошо помню те времена, когда садился в поезд и не думал о том, что купить на пропитание. На каждой станции работали ларьки-магазины и ходили сердобольные старушки со словами: «Горячая кукуруза, вареники, пирожки, клубника, ягоды, холодное пиво, сладкая вода». Ларьки-то остались, но теперь они собственность РЖД. Монополист выкрасил их в свой фирменный серо-красный цвет и установил «аэропортовые цены»

при минимальном выборе. Яблоки-апельсины по двести рублей, лимоны – триста, два литра дешёвенького сока – двести, литр молока – сто двадцать, и т. д. и т. п. Ничего аутентичного, всё унифицированное, за исключением сувениров с китайскими магнитами-открытками с изображениями проезжаемых городов. Лишь на станции Вековка было какое-то подобие частной торговли, да и то, как сказал один из пассажиров-аборигенов: «Девяносто процентов посуды из стекла изготовлено в Китае. В Гусь-Хрустальном заводы давно стоят…»

На остальных станциях проход на платформы защищает железнодорожная охрана и полиция. Одна из целей железнодорожного путешествия – посмотреть и оценить особенности вокзалов страны – рухнула.

Шесть утра по Москве, сорок один час дороги. Кажется, что вагон проснулся давно и за дверьми купе кипит жизнь. Проводница в халатике пылесосит дорожки и протирает дезинфекционным раствором стены. Наверное, они покрылись пылью, хотя окна не открывались. Она не стесняется заходить в купе, будить спящих и формально собирает пыль с пола.

Через пятнадцать минут смена локомотива в Омске. Последние пассажиры из Москвы покинули наш поезд. Мы одни – своеобразные москвичи.

За тридцать минут стоянки успел оценить ремонт и металлодетекторы омского вокзала, выкрашенного в ядовито-зелёный колер. Под дождём побегал по привокзальной площади в поисках молочного магазина, чтобы решить вопрос с завтраком. Успешно. Местная продукция хорошего качества за исключением одного ещё непросроченного йогурта, покрывшегося грибком.

За Омском господство РЖД прекратилось. Исчезли однотипные серо-красные вагончики-ларьки с наваристыми ценами. Здесь ещё царит эпоха Минтранса с разномастными киосками и частным сектором торговли.

– Икра, жареная икра из жереха, покупайте деткам.

– Почём?

– Парочка – полтинник, – ответила загоревшая тётушка, – может, ещё и пирожков с холодным пивком для рывка?

– Не хотите примерить вашей девочке шаль, молодой человек? Отдам со скидкой. Посмотрите, как ей к лицу!

– Рыба, рыба, покупаем рыбу! Тарань, сазан, кто забыл леща? Таких цен больше нет нигде. Мороженое, сибирское мороженое, на экологически чистом молоке…

Платформа кипит. Кажется, что все жители Барабинска вышли на неё. Сувениры, шкуры и меха животных, русские национальные платки, мелкая клубника и копчёная, солёная рыба. В поезд торговцев не впускают. Проводники предусмотрительно перекрыли проходы между вагонами. Трудно устоять перед соблазном, чтобы не попробовать местных деликатесов. За этот гастрономический туризм мне всегда нравились путешествия по железной дороге.

На сорок восьмом часе проводница повторно прошлась по купе с жалобной просьбой купить у неё сувениры РЖД – «на память о поездке». Брелоки, паровозики, зажигалки, ручки и прочие канцтовары – игрушки. Мы отнекивались: «Дорога дальняя предстоит, и всегда успеем…»

На пятидесятом часе прозвучала долгожданная команда: «Собрать постели!». Мы по-армейски разбудили сына и стали укладывать бельё стопками. Не терпелось покинуть поднадоевший вагон и сменить пейзажи с полями-березками на городские объекты.

Новосибирск. Ночь в музее и день в крематории

В Новосибирске, в шаговой доступности от вокзала мной забронирован хостел «Домашний». Это самый дешёвый сегмент жилья за весь отпуск – девятьсот рублей в сутки. С перезвонами находим его, так как нет вывески, да и адрес на букинге не совпадает с реальным. Хозяин по телефону руководил действиями своей помощницы – двухметровой блондинки Нины в коротких шортах, облегающей майке, с артезом на колене – и одновременно инструктировал нас по проживанию. Заполнили квитанцию, оплатили проживание и залог за возможную потерю ключа и оказались в стилизованной коммуналке из семидесятых годов. На стенах велосипед, печатные машинки, журналы «Огонёк» 1972 года в рамках, медный абажур с цитатой И. Сталина, на кухне – работающий холодильник «ЗиЛ Москва» и керосинка для гейзерной кофеварки. Лишь стеклопакеты, бытовая техника да санузлы с пластиковыми дверьми напоминали о дне сегодняшнем.

Город. Я бывал в нём дважды зимой. Приезжал в командировки за молодым пополнением. Прожил здесь почти неделю, но в памяти мало осталось. Лишь Красный бульвар да громадный вокзал, напротив которого покупал рыбок из семейства астронотусов. Местное «николаевское» пиво, которым угощали друзья. И мост через Обь. Вот, пожалуй, и всё. И сегодня, спустя семнадцать лет, заново открывал его для себя.

С первых шагов мы почувствовали, что попали в Сибирь. На термометре под тридцать и ни дуновения ветерка. Стоит остановиться, как мошка облепляет всего. Гнус лезет в уши, глаза, волосы и немилосердно кусает. Мы удивляемся устойчивости горожан. Неужели они все пользуются репеллентами? Сворачивая с покоцанных временем тротуаров, мы забегали в магазинчики и кафе, чтобы передохнуть от нашествия и побыть в прохладе.

Почему был выбран этот город для первой короткой остановки, я не знаю. Что-то иррациональное толкало меня сюда. Например, познакомиться с местной природой. Поначалу была такая мысль. Взять с антресоли новенькую семейную палатку и поставить её на берегу искусственного Обского моря. Но испугался ночных температур. Потом искал кемпинги и турбазы, но цены на них не радовали. Решил увидеться с новосибирским другом, но он уехал в Москву.

В итоге всё равно приехали. И попали на 123-ю годовщину города. Повсеместные плакаты трубили девизом: «Мечтать, стремиться, достигать». Что-то «маяковское» в этом есть, как и в рекламных щитах. Но это лишь внешне. «Наверное, это город молодёжи», – думал я, увидев многосоттысячную толпу слабо организованных людей, заполнивших городской центр. По этому случаю закрыли въезд на центральные артерии для всего транспорта, в магазинах запретили продавать спиртные и безалкогольные напитки в стеклянной таре, закрыв их полиэтиленом, маржа в обменных пунктах на доллар-евро поднялась до десяти рублей, а полиция и курсанты перекрыли горожанам вход в центральный сквер, чтобы они наполняли центральную площадь, где напротив гранитного безымянного Ленина с комсомольцами установили сцену, иллюминацию и многоваттные динамики. Конечно металлодетекторы, конечно полиция, традиционный спутник всех утех – ОМОН, уличный футбол, чипсы и напоследок салют, от которого завывали сигнализации припаркованных на ночь машин в радиусе десяти кварталов.

Но нам, как сошедшим с поезда, почти всё нравилось и казалось в диковинку. Только нашу семью, как иногородних кусали мошки и лицо Нади и детей покрывалось пятнами от их укусов. Мы даже подумали, что насекомые не залетают в окна, так как антимоскитные сетки на домах сравнительно редки.

Удивляла повсеместная реклама женского белья и шашлыка на растяжках «Супермужик любит шашлык», а также выраженное пристрастие населения к пиву, удивляла навязчивость в кредитовании горожан и банкротстве населения, так как подобными объявлениями обклеены

все городские автобусы, в которых доводилось побывать. Удивляла неотёсанность тротуаров в городе с полуторамиллионным населением. Я понимаю, что большинство автолюбителей из-за колдобин на дорогах перешли на внедорожники, но как же передвигаться по городу пеше?

К концу вторых суток наши светлые кроссовки покрылись серой патиной, и мне показалось, что горожане предпочитают сланцы и это – обувь номер один в летнюю пору. Вместе с шортами-майками в них виделся собирательный образ новосибирца и новосибирки. Учитывая частую рекламу меховых унт, шуб с летними скидками, позволю предположить, что они тоже популярны, но в снежную пору.

Мы разинули рты, когда увидели новосибирскую башню (а ля барселонский Магриб), выполненную из стекла и металла, разукрашенную неоновой рекламой ларьков пищепрома. Но зайти в неё в праздник было проблематично из-за очереди, заканчивающейся на тротуарах Красного проспекта. Конечно, как и везде, единая концепция застройки отсутствует, и архитектура представлена эклектикой современности. Кто где что купил, тот что и как захотел, так и построил. Это же не Санкт-Петербург, в конце концов. Хотя окраины, как в комедии «С лёгким паром», все на один фасон. И о том, что находишься в Новосибирске, напоминали лишь автомобильные номера.

Удивил футуристический концертный зал имени Каца, в витринных окнах которого отражался николаевский модерн, и при движении казалось, что и дома перемещаются вместе с тобой. Только ради этого стоит приехать.

Я написал своей знакомой в Риме, что в городе шесть закрытых ледовых катков, и она с тихой завистью сглотнула слезу, так как в её четырёхмиллионном городе всего один, да и тот закрыли на ремонт.

Новосибирску есть чем гордиться, решили мы, когда зашли в круглосуточный Универсам на улице Ленина. Тут и швейцарский сыр «Тет де мун» по цене две тысячи девятьсот рублей. Такой в Москве стоит все пять, – перед отъездом видел в «Алых парусах». А какая выпечка: шаньги, шанежки, рогалики с повидлом! Мы набрали целый пакет для домашнего чаепития. А творожки! Даже творог общероссийского бренда «Простоквашино» отличается от аналога подмосковных бурёнок. А минеральная вода «Завьяловская» из алтайских источников! Не чета всяким там безвкусным Виши и Перрье. Ну и, когда мы зашли в просторное кафе с фальшколоннами «Тбилиссимо» и поужинали (без чая) на четыреста сорок рублей, с wifi, скидками и потенциальной возможностью принести с собой вино (мы не пробовали), то были покорены городом на сто процентов. И даже мошки не портили праздничного настроения и мы, возвращаясь в хостел, показывали детям сквозь кроны деревьев салют в шаговой доступности.

– Ты знаешь, Слава, мне сегодня кажется, что мы ночуем в музее, – сказала Надя, когда мы освоились в бывшей коммунальной квартире, из которой предприимчивый коммерсант сделал мини-отель. – Только вот он малость не подумал об отдыхающих и удобстве. Ведь вещи тоже имеют свойство психологически давить, и обилие хлама создаёт иллюзию того, что ты здесь лишний, а хозяин решил вместить нас ради них.

– Наверное, ты права. С другой стороны, необычно ведь приготовить кофе на керосинке шестидесятых или положить продукты в ЗИЛовский холодильник. Видишь, он так старался, что на кухне даже мусор настоящий «эпохальный» остался.

Лишь после отъезда мы посмотрели скандальную передачу «Ревизорро», в которой раскрывался подпольный бизнес новосибирца и пыль именно нашего номера. После съёмок прошло полтора года, но ничего не изменилось. Исчезли лишь откровения влиятельных постояльцев со стен коридора, повысилась арендная плата, хостел замаскировали под именем «Домашний» и он якобы переехал в соседний дом.

Новосибирск, день два

Дети сегодня проснулись по солнцу. В Москве ещё четыре утра, а они уже на ногах и интересуются завтраком. А мы надеялись поспать, так как легли ещё по домашнему времени. Хорошо, что в поезде создали аванс сна.

Что делать в понедельник? Традиция большинства российских музеев – отдыхать в этот день. И Новосибирск не исключение. Через поисковики в интернете составил план работающих аттракционов и маршруты следования. Дети, конечно, выбрали детскую железную дорогу, зоопарк и музей игрушки, но мне хотелось чего-то особенного. И убедил их посетить Музей Солнца, Академпарк и, если повезёт, заглянуть в музей паровозов.

Почти все эти достопримечательности сосредоточены в одном месте – Академгородке. Это ближайший пригород, до которого можно добраться на автобусе за девятнадцать рублей или электричкой с современного пригородного вокзала. Но последние ходят нечасто, и мы познакомились с автобусом. Жара тридцать два, окна открыты, пыль летит, почти все пассажиры – пенсионеры и приходится уступать. Автобус не торопится и едет час с небольшим. Повезёт, если выпадет обшарпанный отечественный автобус, а если списанный кореец-китаец с чёрными шторками на окнах, низким потолком и деревянной кабинкой у водителя? Я готов был переплатить за электричку на обратный путь, но её пришлось бы ждать два часа.

Выйдя на станции «Сеятель», мы ушли на поиски музея. Мой планшет не хотел показывать дорогу. Местные жители на вопрос о музее Солнца смотрели на нас, как на инопланетян. В итоге мы пробирались пригородным лесом, и полчища неведомых нам серо-чёрных комаров немилосердно барражировали вокруг, норовя отведать чужеземной кровицы. Вспоминался китайский город Шеньчжень, где мы пытались найти крейсер «Минск», – где так же врали карты, а водители такси отправляли не в ту сторону или вертели непонимающе головой. Но там хоть гнуса не было.

Через час мы пришли к тому месту, где по подсказкам Google должен был быть музей, но на табличке значился «Собес… района». Вышедшая из него старушка просветила нас, что – да, был, работал, но переехал… Куда? – не знает!

Музей паровозов поддержал традицию российских музеологов и мы сфотографировали историю локомотивостроения из-за забора с колючей проволокой. Порадовала необычная архитектура Академпарка, что явно диссонировало с соседними пятиэтажками-хрущёвками. Два наклонённых друг к другу оранжево-серых здания, соединённых между собой перемычкой с прозрачным полом на высоте двенадцатого этажа. Значилось, что на последнем этаже есть кафе, устраиваются тематические экскурсии и работают всевозможные выставки. Наверное, всё есть, но мы не увидели, так как вход в лифты по магнитным пропускам и охрана строго бдит. Пить же пиво с утра в местной «академической» пивоварне «Гуси» нам не хотелось, и мы побаловали себя и детей кофейными напитками в баре Kukuruzza, подключившись к шаровой wifi-сети от пивоварни. Детям было нескучно в бесплатной игровой комнате с горками, шарами, качелями, пока родители чатились с друзьями в интернете.

Смысл этого стильного заведения мне остался неведом. Красиво, необычно, но не чувствуется, чтобы здесь разрабатывались нанотехнологии или зарабатывались деньги, тем более на туристах. Так, фото на память и спросить у друзей: «Что бы это значило?».

Жара нас разморила. Но сидеть в прохладе номера не хотелось, и мы, чтобы скоротать время, ушли гулять по городу. Вторые сутки здесь, а кажется, что уже давно приехали. В пятый раз гуляем по улице Вокзальная магистраль. Сегодня и скверы открыты, и маржа составляет два-три рубля, и все напитки доступны. Красный проспект нас не впечатлил. Радует, конечно, что муниципалитет не стал морочить голову населению с переименованием исторического наследия коммунизма. А то было бы, как у наших западных соседей, живущих на улице Юлов-

ская, где им в паспортном столе сказали, что они пятьдесят лет жили на аббревиатуре от Юных Ленинцев и если не изменят штамп в паспорте, то будут оштрафованы. Новосибирск – город красного пояса России и сегодня у власти стоит коммунист, но ему на пятки наступают единороссы, реклама которых в канун предстоящих выборов лишь незначительно уступает пиву, шашлыку и нижнему белью. Но как это влияет на простых горожан, я не знаю.

Традиционно посетили центральный рынок, чтобы посмотреть, чем богата земля Сибири. Уйгурцы, китайцы, вьетнамцы, таджики, кавказцы заполняют его ряды вперемешку с русскими торговками мясом в вишнёво-матрёшечных нарядах. Молочной фермерской продукции нет. Все фрукты и овощи аналогичны магазинным. Свежевыловленной рыбы нет. Большая часть площадей отдано под вещи и обувь. Вокруг пыль клубом, антисанитария и скромность. Хотя напротив рынка вполне современный торговый центр, ничем не отличающийся от московских собратьев. С кондиционерами, фонтанами, неработающим бесплатным интернетом, мега-Магнитом и множеством охраны. Перед входом новенький БМП с флагами и рекламой военно-полевой игры «Гонка героев».

После такого дня хотелось спокойствия, чистоты и тишины. И нас, кажется, услышали. Наташа () пригласила на ужин. Мы не предполагали, что город настолько большой, что на маршрут с железнодорожного вокзала на окраину уйдёт полтора часа. Здесь есть метро, но оно скорее выполняет функцию «сувенира», так как вагоны полупустые, а количество станций не больше десятка. Автобус и маршрутки – основной способ передвижения тех, кто без авто. Надо сказать, что новосибирцы очень непатриотичны и половина из них ездит на подержанных японках. Но тут, как говорят, на вкус и цвет… *жена друга*

После чая нас «уговорили» на ночёвку. И мы были рады минимализму её аккуратной новенькой квартиры, домашним заготовкам и задушевному разговору. Что-то нас настораживало в хостеле «Домашний», а что, мы так и не поняли. И мы проснулись утром по московскому времени свежими и отдохнувшими.

Новосибирск, день три

Сегодняшнее утро всё же немного не заладилось. Переговоры с хозяином хостела к успеху не привели. Он никак не хотел, чтобы мы оставили чемоданы до отправления поезда. Бесплатной услуги нет. Либо мы должны оплатить сутки проживания, либо предлагалась камера хранения на вокзале. Конечно, выбрали второй вариант.

Городской вокзал можно отнести к гордости эпохи сталинизма. Подобных дворцов я не встречал в железнодорожной отрасли. Отремонтированный, чистый, просторный, изящный, с зимним садом, но слегка бестолковый в ориентировании и малость непрактичный. Есть детская комната, но услуга стоит девятьсот рублей в сутки, а расчёт в полночь. Есть камера хранения, где кладовщик работает с двумя обедами в четырнадцать часов и в полночь, а расчёт также в полночь, вне зависимости, когда заложил вещи. Нет лифтов, подъёмников, эскалаторов, мегацены в общепите, грубые сотрудники. Я не выдержал – вскипел и поругался в камере хранения, так как приёмщик баулов не соблюдал свои же правила работы. В итоге чуть не получил от его защитников. Народ здесь, мне кажется, простой. Послать на три буквы могут запросто и не только мужчину. Наде дважды досталось. То от нищенки, которая пообещала, что она растолстеет после беременности, то от агитаторши на площади, так как мы отказались подписывать петицию против закона о ювенильной или ювенальной юстиции. Но и мы не лыком шиты.

Когда я говорил друзьям, что мы с детьми едем в музей Погребальной культуры, расположенный на базе Новосибирского крематория, они меня не понимали. «Что, музеев в городе нет? В цирк сходите, в театр, в парк Ботанический», – приходили рекомендации. Но я отвечал, что этого добра в Москве пруд пруди. А вот аналогов такому музею в мировой культуре нет.

Сегодня Google не врал, и с пересадкой мы добрались до музея, что в посёлке Восточный. Я ожидал, что это будет необычно, но чтобы настолько – даже не предполагал. Музей и крематорий расположены на территории довольно большого парка-колумбария. Посетителям для осмотра предлагаются в бесплатный прокат велосипеды с багажниками. А посмотреть есть что. Кроме символов всех религий, керамических фигурок животных, здесь есть и детская площадка, а на окраине в загоне живёт верблюд Яшка. Как сказал нам впоследствии экскурсовод: «Хозяин заведения поехал покупать коней для возрождения траурной церемонии, а купил верблюда».

Да и само здание крематория, выкрашенное в ярко-оранжевый цвет с чёрными колоннами издалека напоминает, скорее дворец индийского раджи. В нашем менталитете тема смерти – этакое своеобразное табу, которое отодвигается куда-то на задворки подсознания. При входе в музей посетителям предлагается заполнить табличку, ответив на вопрос: «Что бы вы хотели сделать до смерти?»

Пока Надя с детьми рассматривали верблюда и катались на горке, я поинтересовался, впустят ли нас всех внутрь. Не хотелось их надолго оставлять наедине с мошками, а на сайте музея указано возрастное ограничение 12+. Но девушка сказала, что не только впустят, но им ещё бесплатно всё покажут. Уплатив по максимуму: за две экспозиции, экскурсию по залу погребальной культуры и залу эпохи СССР, фотографирование, мы получили настоящее удовольствие, как от рассказа, так и от увиденного. Узнали, что зачинательницей моды была английская королева Виктория, которая сорок лет оплакивала своего мужа, нося чёрный траур и разрабатывая правила этой стороны жизни. Строгий траур, полустрогий, белый траур, красный, янтарный…

«Женский траур длился три года, а мужской – шесть месяцев» – комментировала гид-экскурсовод Марина, – «но если вдовец женился преждевременно, то его невеста обязана была выходить замуж в чёрном траурном платье и носить двухлетний траур по своей предшественнице».

Мы живём в том числе и вещами, но порой относимся к ним слегка пренебрежительно, ссылаясь то на моду, то на чей-то вкус. А ведь кто, как не они, отражают человека, его внутренний мир, его статус, увлечения, облегчая знающему это язык, коммуникацию. Лет сто-двести назад этому уделяли больше внимания и подбирали украшения в зависимости от периода траура. Полтора часа нам рассказывали о вещах, традициях, истории этой культуры, о бальзамировании, кремации, пассижированном искусстве, вскрытии, модных тенденциях в кремации. Например, что из праха делают карандаши, которыми рисуют, а точилку со стружками хранят, как реликвию. Или пишут красками, в которые добавляют прах ушедшего. Или прах вживляется в коралл, из которого формируется риф, или в нём выращивают семя дуба, росток которого пересаживают в землю. В целом – весьма занимательно, и наша девятилетняя дочь не переставала задавать вопросы экскурсоводу. А посещение зала ушедшей эпохи закончилось тем, что по завершению со словами «Будь готов! – Всегда готов!» нам повязали настоящие пионерские галстуки, кому-то в первый раз, кому-то во второй.

Мы узнали, что сотрудники участвуют в акции «Ночь в музее», собирая по несколько тысяч человек. Из недавних событий – в мае открылся памятник воинам, погибшим в локальных войнах. При музее есть кафе самообслуживания с кофе-автоматами, СВЧ и снэк-машинами, где посетителям демонстрируется запись телепередачи о музее и его основателе. Тут же местный филантроп собрал трамвай из шестидесятых, поставил пару пушек из сороковых, БМП из восьмидесятых, теплушку времен ГУЛАГа, траурные повозки и сани двухсотлетней давности, соорудил макеты гробов вождей СССР и многое-многое другое.

Напоследок дети покатались на велосипедах, пока мы рассматривали стелы с прахом усопших и слушали Эмму Шаплин с её траурным хитом «Септе ле стеле», доносившемся из динамиков новосибирского колумбария.

Наш визит в Новосибирск закончился, и перед сорокачасовой дорогой в город Улан-Удэ мы поужинали в столовой «8 минут» на Вокзальной Магистрали с вечерними скидками на продукты от местных кулинаров и забежали в универсам за продуктами. И вот уже старенький гэдээровский поезд Москва-Чита с обновлёнными сибирскими окнами уносит нас на восток. Здесь нет ковровых дорожек и розеток в купе, а кондиционерами выступают форточки, нет телевизоров, но мы загодя закачали фильмы в ноутбук, да и кажется, что дальше будет легче, так как есть что вспомнить и обсудить в дороге.

Поезд номер 70 Москва – Чита

Он, наверное, самый дешёвый из поездов, следующих в восточном направлении. Чтобы существенно сэкономить на проезде, я детские билеты брал на нижних полках, а взрослые на верхних. Такие поезда бегали в моем детстве, и сегодня я поражаюсь качеству промышленности стран СЭВа.

– Поезд прибывает в санитарную зону. Пассажиры, туалеты будут закрыты через десять минут на час… поторопитесь! – проходя по купе, зычным голосом сообщает проводница благовещенского транспортного узла. Как правило, санитарные зоны начинаются за тридцать минут до длительных остановок и почти сразу прекращаются, как только мы трогаемся с них.

– Как это мне всё надоело… каждый день одно и то же… – негромко доносится от второй напарницы, когда она мутузит пол старой тряпкой, создавая видимость борьбы с грязью. Потом она вспоминает о пылесосе и начинает проникать с ним в купе, поднимая последних спящих. В обычном поезде влажная уборка предусмотрена раз в сутки и также сопровождается мытьём стен и окон в коридоре вагона.

Иногда я представляю её пограничником на защите стаканов и чайных ложек, а также прохода в ближний к ней санузел. Я не рискну спросить у неё о душевой кабинке, так как её вид говорит о том, что она не в духе и готова обрызгать слюной, а ведь нам ещё ехать и ехать. На три работающие розетки в коридоре очередь на зарядку, и я занимаю её за пассажиром, едущим также в Бурятию. В каждом санузле также по розетке и в тамбуре перед ним, но там заряжать не совсем удобно. Поезд бежит в восточном направлении, и передо мной лишь километровые столбики с тысячными отметками сигнализируют о том, что мы куда-то всё же едем. Иногда я вспоминаю для детей стихотворение Корнея Чуковского «про пассажира с улицы Бассейной». Те же берёзки, те же серые покосившиеся домишки, да коровки-огороды.

Мне кажется, что проводница не любит свой труд. Ведь любая работа – это цепь последовательных попеременных действий, где всё, так или иначе, закономерно повторяется. У врача пациенты с одними и теми же диагнозами, историями болезни и рецептами. Но сказать, что это скучно, я не могу. Наверное, у неё всё же синдром профессионального эмоционального выгорания и ей требуется отдых и помощь психолога. Ведь даже я вижу разительные изменения в вагоне. Немцы, англичане, французы, три собаки, два кота, куча младенцев. Всё, как в кино: движется, общается, шумит, пересекается. Интересно, как она отгадывает желания иностранцев? Перед Красноярском она продала или сдала своё служебное двухместное купе семейной паре с ребёнком и собакой и должна быть рада подработке. Хотя всю ночь провела в полудрёме, сидя за столом.

Вот и первая утренняя станция Красноярск с сорокапятиминутной остановкой и сменой локомотива. Мы решили зайти в здание вокзала прогуляться по привокзальной площади в поисках местного пломбира. Это стало уже традицией длительных остановок. И оказались довольны находкой. По ГОСТу, и вкус, как в детстве. Вообще, как мне кажется, путешествие на поезде – это экскурс в детство, только на моём месте теперь мои дети и учишь их жить и довольствоваться малым, ценить время и грамотно его расходовать.

Красноярский край, наверное, самый длинный на нашем пути. Мы дважды встретили здесь рассвет и посмотрели закат. Чем ближе к востоку, тем более живописные виды. Утренние зорьки, будящие ото сна, и вечерние туманы – как будто облака спустились на землю. Если поначалу ехать было в тягость, то теперь находишь философию поездки. Задуматься над собой, сблизиться с детишками, лишёнными телевизора, понаблюдать за природой и окружающей жизнью. Как мне показалось, четверть пассажиров – европейцы, едущие на Байкал, и появляется некое чувство гордости за страну, её размеры, запасы и чистоту девственной природы, сохранённой для потомков.

На станциях по-прежнему борются с частными торгашами, и по перрону важно расхаживает майор и сержант полиции, защищая пассажиров от атак бабулек, которые заняли линию нападения за первым путём и зычно призывают пассажиров к горячей картошке, холодному пиву и соленой рыбке. Станционный общепит не вызывает доверия, как ценами, так и свежестью продуктов. Правда, в отличие от красноярского фирменного поезда, в здешнем регулярно буфетчица в накрахмаленном переднике, толкая перед собой допотопную тележку, обшитую вишнёвым бархатом и надписью «Audi», развозит ресторанные пирожки, сосиски в тесте, овсяную кашу, да иные закуски.

Станция Тайшет или ворота в Иркутскую область. Крупный транспортный узел. Наш поезд стоит здесь пять минут, хотя в былые годы здесь меняли локомотив. Скоро Байкал, сопки, Улан-Удэ и наша вторая длительная остановка. Почему-то я часто мысленно возвращаюсь в этот город. Два года, проведённые здесь, оставили рубец в памяти. В марте 1998 года я написал рапорт, чтобы меня направили по распределению из Санкт-Петербурга на окраину Бурятии в посёлок Кяхта. И поначалу радовала дикая природа с заснеженными сопками, национальный колорит и что воду можно пить из-под крана. Одно дело путешествовать, а другое – жить и работать. Спустя три-четыре месяца мне невыносимо захотелось вырваться из неё – всё равно куда. Но лишь через полтора года я сменил местожительство на Чечню.

На Байкал мы в этот раз не поедем. В 2008-м году отдых на турбазе Байкальского банка нам показался довольно экстремальным занятием. То лодку «украли», то на стойбище браконьеров наткнулись, то ветер палатку сдул. Да и со слов соседа по купе – холодно нынче на Байкале. В планах лишь вылазка в бурятский дацан да пешие прогулки по центру. Было много друзей, но связи утеряны, так как мобильных с интернетом в те времена не существовало.

Нижнеудинск – последняя станция перед сном. По местному времени наступила полночь, разница с Москвой – плюс пять часов. На электронном табло восемнадцать тепла, и в шортах-футболке немного зябко. Подвыпившие иностранные попутчики высыпали на перрон, чтобы сфотографироваться. Наш вагон почти спит. Зато последние два плацкартные все до единого вышли на улицу на коллективный перекур. Солдаты-срочники в новенькой офисной форме, бородатые англичане с гитарами и прочий люд жадно впитывают никотин. Некоторые, конечно, это делают и в пути, прячась в гармошки-переходы между вагонами, но гораздо спокойнее сделать на платформе. Тем более, что начальник поезда – женщина лет пятидесяти пяти – регулярно обходит состав, интересуясь жалобами и предложениями. Днём, заметив, что я её фотографирую, она устроила мне своеобразное собеседование. Кто, откуда, куда, как самочувствие детей. Заверил её, что руководствовался самыми благими намерениями и жалоб никаких не имею. Действительно, в этом поезде мне комфортнее. То ли привык к такой колёсной жизни, то ли в старых вещах есть какая-то аура, как сейчас модно говорить. И опять же, нет назойливого кондиционера. Жарко – открыл в купе форточку, холодно – закрыл. Нет радио, долбящего с утра до вечера отечественные хиты восьмидесятых годов, и можно ехать в тишине «под стук колёс».

Утро встретило нас в Иркутске в восемь часов по местному времени. Пять тысяч сто восемьдесят километров позади. Большинство иностранцев спешились и пересели в поджидавшие их на вокзале автобусы и машины. Поезд стоит тридцать пять минут, и мы отправились исследовать вокзал. Изнутри он представился небольшим, неуютным, и слегка затрапезным. Зато вход в зал ожидания бесплатный, в отличие от Красноярска и Новосибирска, где за безбилетного пассажира следует заплатить сто пять и шестьдесят рублей соответственно. Платформы и привокзальная площадь покрыты тонким слоем окурков. Цены в ларьках чуть ниже, чем на западных станциях, а в магазинах почти те же. Побаловали себя на завтрак байкальским творогом, сметаной, йогуртами от иркутского молочного комбината.

Нам повезло с погодой, солнцем и временем, так как после Иркутска виды – открыточные и почти два часа я не убирал фотоаппарат в кофр. Планшетом было жалко фотографиро-

вать открывающуюся красоту. Аккуратные сельские домики, утопающие в цветущей сирени и белоснежной черемухе, алеющие маки во дворах, косогорах и ромашковые полянки. Я уже не говорю про байкальский берег, который на протяжении двух с половиной часов тянулся по левую руку, а сквозь озёрную гладь просматривались донные камни. Да и покрытые снегом бурханы таёжных сопок с правой стороны тоже внушали уважение. В очередной раз благодарил руководство поезда, что в тамбуре и санузле открыты форточки, так как чистых окон не бывает даже в фирменных поездах.

Мне показалось, что в большинстве своём местное сельское население здесь аккуратнее, чем в предыдущих трёх регионах, если исходить из доступных для осмотра из окна поезда угодий и архитектурных построек. Да и с коровами здесь побогаче, так как уже не одинокие бурёнки, а целые стада бороздили травушку-муравушку. А в одном посёлке заприметил расположенный в поле легкоатлетический стадион с новенькими красными дорожками.

Про Байкал говорить словами, наверное, невозможно, так как ни одно предложение не способно отразить его величие и красоту. «Гарда отдыхает…», – написал я своему коллеге под фотографией, отправленной в вайбере. Мне, наверное, повезло, так как прямо из вагона в кадр словил греющуюся в прибрежных водах нерпу, которую поначалу принял за серый пакет с мусором.

Редкие отдыхающие и рыбаки грелись на песчаных и галечных пляжах. Даже станционные рабочие устроили себе солнечные ванны, разбросав на берегу оранжевые жилетки. Некоторые заходили в воду по пояс, единицы купались. Вода в Байкале не выше пятнадцати градусов, да и то преимущественно на плёсах. Кто приехал с палаткой, кто с машиной, а кто снял домик на турбазе.

Слюдянка – бывшая «длинная» остановка. Я всегда здесь выходил, чтобы купить омуля горячего и холодного копчения. Первый мне нравился больше, так как подобного в здешних магазинах не встречал. Но времена изменились, и поезд сегодня стоит пять минут, а рыбаки и торговцы исчезли с перронов и платформ.

Через три с половиной часа байкальский берег уступил место выжженной бурятской степи, с сопками и петляющей Селенгой. В полдень по Москве поезд прибыл в Улан-Удэ.

Улан-Удэ

«МЧС Республики Бурятия предупреждает, что в лесах объявлен пожароопасный период. Посещение лесов категорически запрещено» – сообщил мне сотовый оператор Мегафон в СМС. Как потом узнали из газет – местного министра лесной промышленности привлекли к уголовной ответственности за сокрытие пожаров и причинённый ущерб на одиннадцать миллионов.

Город встретил нас тридцатипятиградусной жарой, пылью и неудобствами с первых шагов. Уже с платформы предстоял нелёгкий подъём чемодана и коляски на необычно высокий надземный переход. Ни лифта, ни полозьев, ни посторонней помощи и потом ещё крутой спуск. Полиция гоняла пассажиров, переходящих через рельсы. Таксисты наблюдали за нами, когда мы проходили мимо их кордона. Сосед по вагону сказал, чтобы мы вызвали такси 201—201 или 200—200, за сто пятьдесят-двести рублей довезут. Навигатор показывал сорок минут пешеходной прогулки или то же время на общественный транспорт, и мы выбрали первое. Только не учли, что с вокзала за нами увяжется хвост из трёх человек, судя по хабитусу, праздно шатающихся и что-то ищущих. Также не учли, что тротуары имеют свойство в столице Бурятии внезапно заканчиваться и переходить в пыль, песок или щебень.

На фоне советских поржавевших и выцветших вывесок на крышах пятиэтажек «Цвети, родной край» выделялись свежие юбилейные «350 лет Улан-Удэ». По улице 50-тилетия Октября сновали львовские автобусы семидесятых годов и громыхали дверьми Усть-Катавские трамваи с деревянными сиденьями в салонах. Последние довольно удобные, так как за пятнадцать рублей можно проехаться и услышать мини-истории остановок-достопримечательностей.

Выжженные от солнца и неполива газоны, шелуха от семечек, окурки на тротуарах-газонах и население, которое непривычно обращает на тебя внимание, не отводя глаза. Эта местная особенность – смотреть глаза в глаза незнакомцу встречалась не раз. У сетевого ювелирного магазина «585» бурятский полицейский с автоматом наперевес и в бронежилете стойко переносит стекающий по нему пот. Тут же у его ног две школьницы торгуют черемшой по сорок рублей пучок, а рядом соседки-бабульки предлагают купить и серу для очистки зубов, и, конечно же, семена подсолнуха четырёх сортов. Второй продукт по популярности заметно опережает кедровые орешки.

Попробовали кваса из обшитой деревом бочки. Вкусно, натурально, освежает. Такие бочки на колёсах встречаются повсеместно, пол-литра – тридцать рублей. В торговых палатках чай-кофе по десять рублей, стакан бульона —двадцать, плошка майонеза – пятнадцать.

Отель «Кочевник» располагался на первом этаже обычного жилого дома. Вход через бронированную дверь и кнопку домофона, перед отелем пыль столбом от проезжающих авто, металлические решётки на окнах. Десять номеров, сауна, кухня. Возможна почасовая оплата, а за двенадцать часов – бонус в виде бутылки шампанского, за сутки – бесплатный час в сауне, – «но только не для тех, кто бронировал через букинг», – сказала нам недовольная девушка брюнетка. Паспорт не спросила, – вообще довольствовалась в общении минимумом слов. Эта местная особенность в сфере услуг, которую я бы охарактеризовал: «Чё-тте надо?», встречалась довольно часто. На вопрос о ключах от номера, поинтересовалась: «А зачем они вам? Номер и так открыт», но потом всё же выдала. За двое суток дороги дети да и мы немного испачкались и поэтому решено было устроить стирку, тем более, что в отеле работала стиральная машинка. Но её ответ: «Сто рублей за вещь», – нас обескуражил, и я ушёл в магазин за хозяйственным мылом, сэкономили таким образом три тысячи рублей. Мне показалось, что в Улан-Удэ самые дорогие стиральные машины, так как в окинавских отелях я редко платил больше сотни рублей в пересчёте по курсу. При заселении столкнулись с ещё одним местным ноу-хау: прейскурант

цен на обстановку. За двадцать тысяч можно забрать или сломать телевизор, за тридцать – кровать, за десять – окно. Штопор, стаканы, чайник стоили заметно дешевле.

Был заказан номер на троих, но постельное бельё, гигиенические пакеты были на двоих, – и мы, честно говоря, боялись лишний раз что-нибудь спросить-попросить. Вынос мусора и уборка здесь тоже за дополнительную плату, и мы тайком выбрасывали его в общественный мусоропровод.

В поисках продуктового магазина нашли кафе «Поварёшка», где прилично перекусили, хотя изначально нас толстая барменша запугивала, что блюда будут готовиться двадцать минут, а кафе скоро закроется. Но блюда поданы через пятнадцать, а до закрытия оставалось сорок пять. Буузы или, как их ещё десять лет назад называли «позы», продавались в заведениях «Позная». Это национальное блюдо, напоминающее манты или вареники с мясом. В идеальной рецептуре готовятся из рубленого мяса трёх видов: говядина, баранина, конина. Но и этот вариант нам понравился. Из напитков – зелёный монгольский чай или растворимый кофе и обязательно со сгущёнкой. Отказались, так как в магазинчике заприметил аппетитные и свежие пирожные. Взяли к домашнему чаю безе, корзиночку с кремом, эклер, язычок и ореховое кольцо.

После дальней дороги спится хорошо, и мы проснулись почти в одиннадцать по местному времени. На завтрак в номер принесли омлет, сосиски, хлеб и чай с сахаром. У бурятской девушки на ресепшене поинтересовался дорогой в Иволгинский дацан, так как google показывал только пешие либо автомобильные маршруты.

– На тройке доедете до Банзаровки, – это конечная, там автостанция… Дальше на сто тридцатой маршрутке. Зайдите обязательно к ламе в десятый домик.

Маршрутка – самый распространённый вид транспорта. Редко встретишь отечественную модель. Китайский, иногда корейский и европейский автопром. Водители украшают их массивными шторками на окнах. Некоторые с логотипом VIP. По городу оплата при выходе, по межгороду при входе. Банзаровка – это автостанция, с которой отправляются две маршрутки в Иволгинск и в Сосновый Бор. Место, часто посещаемое мною в прошлом. Время медленно вносит свои коррективы. Лишь супермаркет открылся, да семечки исчезли с уличной торговли. На крышах ларьков автостанции следы недавнего пожара – то ли короткое замыкание, то ли чьи-то проделки.

До дацана доехали за час. Благо, что недавно святилище посещал Президент и распорядился положить свежий асфальт. Но виды из окна открывались колоритные. Степь, полуголые сопки с елями да сельские деревянные дома с заборами, гаражами из того же строительного материала. Из-за отсутствия деревьев во дворах кажется, что их недавно построили. Наверное, ветра мешают, – подумал про себя. Огородов тоже особенно нет. Может, уклад кочевников не располагает к этому.

Дома побогаче отделаны сайдингом и покрыты ондулином, кирпичных почти нет. На улицах реклама, призывающая сдавать шкуры КРС (крупного рогатого скота) и лошадей, работать в Южной Корее или воспользоваться кредитом на строительство жилья под материнский капитал.

Ближе к городку Иволгинск дорогу переходили коровьи стада. Местные бурёнки или мохнатки довольно жилистые и неприхотливые к траве. Зимой они копытами разбивают снег, чтобы питаться подножным кормом. В окрестных арыках и каналах купались загоревшие ребятишки и взрослые. Мы поначалу хотели поехать в Тамчинский дацан, что в Гусиноозёрске, но пожалели шести часов на дорогу, поэтому выбрали тот, что поближе – в Иволгинске. Я бывал в нём трижды, но люблю приезжать сюда при каждом посещении.

Заметил, что улицы в Улан-Удэ празднично украшены и вывешены бурятские флаги, чем-то напоминающие украинские, только с белой полосой между жёлтым и голубым. Выяснили в информ-центре при дацане, что в течение трёх дней в республике проходит празд-

ник Алтаргана, что означает фестиваль монголо-бурятской дружбы и единения. Нам дважды повезло, так как в июле 2008-го года мы попали тоже на бурятский фестиваль Сагалганаар. На парковке при дацане у половины машин монгольские номера. Со временем более праздничной становится республика Бурятия. Наверное, это привлекает немногочисленных европейских туристов и соседей монголов, которые и внешне и по языку очень похожи. В магазинах и сувенирных лавках стало появляться много монгольских товаров.

Вход в дацан бесплатный. В сувенирных рядах купили детям зимние варежки и колготы из добротной монгольской шерсти. С трудом отнекивались от мандал, тибетских тарелок, амулетов, оберегов и прочих товаров китайско-монгольского ширпотреба. Со слов продавщицы – все изделия «заряжали человека положительной энергией или улучшали карму». Но ответить нашему ребенку, что это означает «энергия», она не смогла. Сказала лишь: «Подрастёшь – узнаешь!» С перерывом на обед в кафе при дацане (всё те же буузы) прошлись по священному кругу, состоящему из многочисленных барабанов с иероглифами и ручками, которые необходимо крутить по часовой стрелке. Как написано при входе: «Это очищает и одухотворяет человека». Многие старушки уже не могли ходить, и внуки-сыновья переносили их за спинами. Большинство посетителей, несмотря на жару, были одеты в довольно плотные национальные одежды, меховые шапки и кожаные сапоги.

Между барабанами находились скромные деревянные домики служителей лам и яркие буддийские храмы, строительство которых прогрессивно увеличилось. Утром здесь прошло стадо коров, так как на земле остались засохшие котяхи.

По совету девушки из отеля мы зашли в десятый дом. Благо, что постройки не закрывались. Лишь, когда лама уезжал, он вешал на дверь металлический засов и амбарный замок.

Внутри пахло благовониями, и было относительно прохладно, хотя кондиционера нет. Из мебели кровать, стол, стулья, подобие комода, в углу двухпудовая гиря и штанга с блинами. Монахи, как мне показалось, довольно неравнодушны к своему телу, и регулярно занимаются физическим совершенствованием. Обряд поклонов Будде требует хорошей спортивной формы. Толстых и обрюзгших среди них не встречал. Мы оторвали относительно молодого ламу, одетого в тёмно-вишнёвый балдахин, от «яблочного компьютера». Он снял наушники и вопросительно посмотрел на нас светло-карими глазами.

– Нам посоветовали зайти к вам, – начал я после приветствия.

– Слушаю вас, – растеряно сказал он.

– А что вы делаете?

– Помогаю решить все сложные вопросы… У вас есть такие?

– У кого же их нет? И что действительно все?

– Ну, почти… Вам, наверное, лучше зайти в двенадцатый дом. Там старейшина принимает…

Мы попрощались, не став нарушать покой мудреца. На доме двенадцать висел замок, и мы продолжили крутить барабаны. Детям это нравилось, и они оставляли мелкие монетки, загадывая желания. По пути заходили в храмы. Как правило, вход внутрь помещения – через левую дверь, а выход – через правую. Необходимо снимать головные уборы. Молятся либо перед фигурками Будд, либо на специальной напольной доске. Последняя требует хорошей физподготовки и напоминает упражнение с напольным колесом. При нас мама отчитывала дочь, что она неверно расставляет ноги и рекомендовала ей сначала укрепить мышцы, а потом приниматься за молебен.

В головных дацанах фотографировать, снимать на видео и говорить по мобильному телефону запрещено, о чём предупреждают таблички с указанием штрафа в пять тысяч рублей. В каждом храме торгуют сувенирами, кедровым маслом, орешками, открытками, свечами, можно написать записку или оставить подношение Будде, о чём имелись объявления. Предлагалось оставить деньги, продукты, строительные материалы. Заметил, что купюры преиму-

щественно – тугрики и юани, а из продуктов прихожане дарили водку в бутылках и молоко в «тетрапаках».

Особняком находился недавно отстроенный и ещё пахнущий свежим деревом и лаком храм Памяти. Его послушник рассказал, что по пятницам и понедельникам здесь проходят службы памяти. По буддийским законам за усопшего следует молиться сорок девять дней, так как это время «душа выбирает, где ей находиться…»

Тут же при дацане можно постирать вещи по прейскуранту: пять килограмм – сто рублей. Или покормить косуль, лошадей и иных домашних животных, зайти в кабинет к астрологу. Если повезёт, то посмотреть на скачки на прилегающем ипподроме. Местные искусствоведы открыли торговый павильон, где в стеклопакетах под кондиционером продают дорогую костяную посуду и изделия из бронзы, меди.

В город добрались к вечеру. Прогулялись по пешеходной части улицы Ленина, названной Бурятский Арбат, выпили вкусный кофе при кафе у музея истории Улан-Удэ, продегустировали местный пломбир. Заметил, что в столице продвигают европейский подход к туристам. На всех достопримечательностях своеобразный квест: QR-коды с описанием. Имеется зелёная пешеходная линия протяжённостью почти три километра, которая соединяет основные интересные места центра города.

Всех приезжих привлекает площадь Советов. Здесь установлена самая большая в мире голова идеолога Мировой Революции. Табличку с постамента сбили, но почти все его ещё знают. За ним флагштоки с реющими триколорами России и Бурятии. Сегодня на площади состоится концерт бурятских мастеров современной музыки и уже установлена сцена. Мы же, перекусив у торгового центра «Пионер», прогулялись по набережной Селенги к центральному стадиону. По многочисленной рекламе «Международного всебурятского фестиваля Алтангара 2016» в восемь вечера там должна состояться торжественная церемония его открытия.

Но зайти на трибуны в сектора не представлялось возможным. В проходе виднелось грандиозное действо, которое подкреплялось двуязычными комментариями дикторов.

– На церемонию подъёма флага фестиваля приглашается мисс Монголия-2016… А также народный артист России и чемпион России по боксу… – комментировали ведущие поочерёдно. Фамилий я не запомнил.

Нас отсылали купить билеты, то в «зелёной палатке», то в киоске, то «у людей на улице» и лишь с четвёртого раза всё же впустили бесплатно на освободившиеся места. И мы не пожалели. Многочисленные артисты (), и стар и млад, в национальных костюмах заполнили поле стадиона с зелёным искусственным газоном. Танцы, песни, пляски, акробатические номера, люди в масках животных: волки, олени, драконы, колдуны, казаки и кочевники. Всё это сопровождалось национальной музыкой и барабанным боем. Чаша новенького республиканского стадиона, который сегодня официально открыли и назвали в честь фестиваля, почти вся была заполнена зрителями из Монголии и Бурятии. *две тысячи человек*

К нам отнеслись добродушно и дважды подходили и спрашивали: «Вы откуда приехали к нам?». Один из молодых бурятов снялся в нашем семейном видеоролике. На четвёртом часу праздник завершился праздничным салютом. По накалу страстей я сравнил это шоу с празднованием Нового года по Лунному календарю в Гонконге. Удивительное рядом!

Улан-Удэ, день три

Собрав вещи и позавтракав, отвезли вещи в камеру хранения при вокзале. Сюда не довезли рентгенустановки, и на перрон можно пройти без рамок и бдящего ока охраны. До поезда почти пять часов. Поехать в этнографический музей Верхняя Березовка или на стадион, где проходят соревнования спортсменов (свыше тысячи человек) по бурятской борьбе, шахматам, игре в кости и стрельбе из лука?

С неба накрапывало, и мы отправились на Центральный рынок. Кедровая мука, молотая сушёная черёмуха, сера, кедровые орешки, шоколадные конфеты от местной фабрики «Амта», китайские яблочки, вкусные молочные продукты да выпечка от Бурятхлеб. Всё так же продают прессованный монгольский чай по килограмму-два и всё так же продавщица отвечает, что это грузинский, второй сорт, который из-за недавней войны фасуют в соседней стране, так как прямые поставки отсутствуют.

Прошли полный круг по зелёной туристической линии, встречая неподписанные никем исторические памятники. Посетили два довольно захолустных парка: Железнодорожный и «На Орешкова». К местной особенности я бы отнёс практически полное пренебрежение всеми садовыми традициями, пыль и вездесущий бытовой мусор. Напоследок пообедали буузами в кафе при гостинице «Бурятия» с довольно низкими ценами (чай 10 руб., витаминный салат 35 руб.), на выходе из которой яркие девушки отлавливали клиентов.

Ностальгия по Бурятии была удовлетворена. Надолго, – не знаю. Здесь прошла часть моей жизни, моё становление, как врача и сюда будет постоянно тянуть.

Конечно, город существенно изменился за последние шестнадцать лет, и оставляет смешанные чувства. Пыль, грязь, убогие деревянные кварталы, слабая транспортная инфраструктура с некоторым налётом криминогенности, с другой стороны – относительная доброта и приветливость населения, национальный колорит и доступность вкусного общепита.

На вокзал прибыли за десять минут до прибытия поезда. Электронные табло отсутствуют, вся текущая информация только по громкоговорящей связи.

– Молодой человек, стойте! Туда нельзя! – внезапно передо мной выросла фигура дамы в серой форменной одежде, которая ещё и присвистнула.

– Вы мне поможете чемоданы с коляской поднять на ваш переход? – сказал я в ответ, так как планировал перейти два пути.

– Давайте мне малыша, а сами переходите.

Мы спокойно перенесли детей, багаж, детскую коляску и были в этом своеобразном административном нарушении далеко не последними. Уже под свист машиниста приходящего поезда женщина обзывала свою дочь-подростка «тормознутой дурой», так как та боялась идти по шпалам.

Поезд 12, Улан-Удэ – Чита

Он едет из Челябинска. В этом поезде мы проведём двенадцать часов. Нам повезло, так как из всех плацкартных вагонов этот – единственный, оборудованный кондиционером. В остальных народ открыл форточки и жадно впитывал кажущуюся изнутри прохладу. Ждём, пока из него вынырнут в одинаковых оранжевых футболках сорок школьников, приехавших на фестиваль. Проводница внимательно сверяет наши паспорта и лишь затем впускает в вагон. Внутри пахнет по́том и вяленой рыбой. На полу липкая грязь и мелкий мусор. Зато здесь имеются индивидуальные светильники над каждой полкой и возможность самостоятельно регулировать освещение в отсеке. По радио доносилось «радостное» известие, что мы едем в современном поезде, оборудованном кондиционерами и биотуалетами, в которые запрещается бросать посторонние предметы… Второй аспект удобств наш вагон не касался.

– Ну что, сосед, давай знакомиться?! – протягивает мне руку коренастый бурят лет сорока пяти с полки боковушки, – меня зовут Талдын, а моего друга Баярдо.

Я ответил вежливой и сухой взаимностью. Мужчины возвращаются с праздника в Бурят-Агинский АО. Их приготовления к ужину настораживают. Как только поезд трогается, к ним присоединяются ещё двое, которые садятся на наши кровати и начинается пир. Разбираем лишь русские матерные выражения вперемешку с бурятскими фразами. Присутствие детей их не смущает, как и последних их речь, так как дочь думает, что это нерусские слова.

Всё же, чтобы нам было «интересно», они иногда переходят полностью на русский, и мы заочно знакомимся с ними и узнаем, что ездят на подработки в Южную Корею, что у одного брат – писатель, у другого – пенсионер лётчик-испытатель, осевший в Латвии. Салфеток и стаканов у них нет, и они пьют из горла, а рыбные тушки достают из соуса пальцами. Когда водка закончилась, двое легли спать на голые матрацы, а оставшиеся перешли на щёлканье семечек под чай со сгущёнкой и громкое матерное обсуждение неведомых нам вопросов. Раздобревшие и раскрасневшиеся попутчики предложили детям семечек, но те вежливо отказались. Нам весело и необычно от такого колоритного присутствия.

Попросил у проводницы стаканы под чай, но она рыкнула: «Некогда мне», – и увлеклась своими делами. На вопрос об одеялах она поинтересовалось: «Холодно, что ли?» и добавила после паузы: «Будете сдавать вместе с бельём».

Прошёл обход начальника поезда. Приветливый интеллигентный мужчина средних лет, выгодно отличающийся от своих двух располневших помощниц. Поинтересовался жалобами и предложениями у пассажиров. Всех всё устраивало. Он не замечал грязи под ногами, малопросветные окна в вагоне, трёх сабантуев, сломанной двери в тамбуре санузла.

После него нас стала развлекать торговля. Сначала девушка с сумкой-челночницей предложила махровые изделия, на втором заходе – москитные сетки, шторки для ванн, зубочистки, на третьем – домашние пирожки с мясом.

Остановки между станциями здесь короткие – одна-две минуты, лишь на станции Петровск-Забайкальский поезд стоит десять минут, но в связи с опозданием «стоянка была сокращена до трёх минут» и всех высыпавших на перрон пассажиров строгие проводницы зазвали в вагон. Спорить не хотелось, так как были свидетелями того, как в только отправляющийся поезд «Хабаровск-Москва» не впустили маму с сыном, сходивших за лимонадом. По новым правилам РЖД «Пользоваться стоп-краном возможно только при угрозе безопасности поезду» – так как нас просветили ещё в поезде «Енисей».

Чита

– Чита, сдаём бельё! – прозвучала громкая команда проводницы. Мне это напомнило «Рота, подъём!», когда я служил срочную службу. Там также команда сопровождалось включением яркого света. На часах четыре утра, до прибытия поезда два часа десять минут. Мы не реагируем, выключаем тумблер освещения, так как вчерашние соседи вечером разбудили сына, и он заснул лишь три часа назад. Но проводница, закалённая в поездках, повторяет включение освещения с комментариями: «Дома будете спать!». Собственно, это касалось всех.

Наши соседи, смачно матерясь, накрывают завтрак. Сон уходит, так как они без спроса занимают и наши две нижние полки. Вино, рыбные пресервы, чай с молоком с присёрбыванием и – на перекур в тамбур.

Но на душе радостно. Как, когда подъезжали к Екатеринбургу, где друг Дмитрий принёс нам к перрону уральскую молочку, плюшки и мы постояли тридцать минут – выпив пива с чипсами и поговорив за жизнь.

В Чите у нас пересадка на другой поезд и запланирована дневная шестичасовая прогулка. Это последняя остановка перед Владивостоком. И мне приятно оттого, что есть друг Тимур, с которым мы не общались восемь лет, но вчера списались по электронной почте и вайберу и он предложил погостить у них и поинтересовался, что мы предпочитаем на завтрак.

Я часто бывал в этом городе. Привозил больных в окружной госпиталь, выступал на первенстве Забайкалья, приезжал в командировки. Здесь нет такого национального колорита, как в столице Бурятии. В конце девяностых годов город был более дорогим, пыльным и криминальным. Климат здесь резко континентальный, и разницы дневных температур могут достигать двадцати градусов. Вот и сегодняшним утром мы поёживались от непривычных четырнадцати и лёгкого ветерка.

Тимур предложил вызвать такси, хотя до дома пара километров. Прождав его минут пятнадцать, мы пошли пеше. Время на город в обрез, и дорога каждая минута. Через четыре с половиной часа прибывает «Россия», на которой мы должны попасть во Владивосток.

С первых шагов видна относительная чистота и сравнительная ухоженность городской архитектуры. На привокзальной площади отстроили громадный Храм «Во славу Казанской иконы Божией матери», в который мы зашли на утреннюю службу, когда освободились от вещей.

Я заметил, что в городе мало машин, мало пешеходных переходов, как и самих горожан. Может быть, в это воскресенье все уехали на природу. На центральной площади красно-гранитный Ильич с поднятой рукой и концертная сцена по случаю праздника. «В Чите каждый выходной – праздник» – отвечает Тимур на вопрос дочери. В сквере целинников – памятник железному плугу и отважным хлеборобам.

В парке на улице Бабушкина довольно комфортно и ухожено в отличие от западных соседей. Как и в небольшом дендрарии при Краеведческом музее. Нам нравятся такие заведения, которые знакомят с регионом и его историей. Можно заказать экскурсию за тысячу рублей на группу, а можно самостоятельно побродить по его двум этажам и полюбоваться экспонатами и фотографиями. Здесь и чучела птиц-животных, и национальные одежды эвенков-бурят-казаков с юртами и стойбищами, доспехи и оружие, костюм и атрибуты шамана, и многое другое. Как сказала смотрительница: «Антон Чехов любил Забайкалье и считал, что здесь представлены все части Земли, где ему приходилось бывать…»

По совету друга зашли в магазин «Привоз», что у стен госпиталя, чтобы пополнить припасы в дорогу. Цены выше бурятских, ассортимент скромнее. Удивили отделы мясо-молочной и фруктово-овощной продукции, которые были представлены холодильными комнатами со свисающими сосульками, и дети мигом вынырнули из них.

– Ну что, успеем в церковь-музей Декабристов или пообедаем? – спросил Тимур.

– Давай лучше пообедаем, так как дорога предстоит долгая – пятьдесят два часа, когда дети ещё горячего поедят.

Мы решили сравнить читинские позы и бурятские буузы в лучшем, по мнению друга, кафе «Алтангара», а заодно и качество сервиса. При большей цене они проигрывали во вкусе. Их подали через пять минут, тогда как в Бурятии предупреждали, что надо ждать блюдо минут пятнадцать-двадцать. Ну а обслуживание, что там, что там хромает. Надо напоминать обо всём: о том, что забыли принести воду, а потом стаканы к ней, о том, что из одной тарелки четверым будет тесно, и хотелось бы вилки и салфетки и т. п.

Напоследок, когда мы чуть ли не опаздывали на поезд, нашу праворульную Тойту с шашечками на крыше остановили работники полиции. Ребёнок был без детского кресла, хотя мы предупреждали диспетчера о детях и коляске. «Пять рублей теперь заплачу» – досадно комментировал таксист. Оставив его заполнять протокол задержания, мы убежали на вокзал.

Время пролетело одним мгновением, и мы ещё раз поблагодарили судьбу, что на пути встретился друг, который скрасил и наполнил наше пребывание в Чите.

Поезд 2 Москва – Владивосток

Последний сегмент нашего российского путешествия решено было провести в плацкартном вагоне лучшего фирменного российского поезда. Уже на посадке заметили отличия в общении с проводниками. Вежливость, предупредительность, улыбчивость. Конечно, никто здесь не будет заправлять бельём вторую полку, но чистота, как воздуха, так и полов нас порадовала. Ну, а такая мелочь, как пилот на шесть заряжающихся устройств в тамбуре, вообще показалась роскошью. Как потом выяснилось, его поставил пассажир из Франции. Ни разу никто не показал своё недовольство, не огрызнулся, не ответил отказом. Конечно, минусы есть. Отсутствие индивидуального освещения и постоянно включённые в ночное время дежурные лампы. Но к этому привыкаешь. Всё же уже многое было видено нами во время путешествия из Москвы.

Дефицит сна предыдущей ночи сказался, и проснулись лишь к вечеру. После Байкала эта была вторая по красоте природа, встреченная в поезде. Петляющая среди мохнатых сопок река Шилка с единичными рыбаками, пасущиеся стада коров, коз, лошадей. Такого скопления домашней скотины мы тоже не видели. Относительно ухоженные дома с картофельными полями и природные луга с просматривающимися оранжевыми вкраплениями диких лилий, белыми ромашками да розовым кипреем. Как ответила Надя на вопрос московского друга: «Не устали ли мы от дороги и не надоела ли она нам?»

– Как можно устать, когда тебя везут, ты никуда не торопишься и постоянно имеешь возможность лицезреть меняющуюся панораму совершенной природы!

Расстояние между станциями здесь, как нигде, большое. Порой поезд идёт без остановки пять и более часов. В ночь вышли на долгой остановке Чернышевск-Забайкальский. Чисто, ухожено, цивилизованно. В ларьках при вокзале принимают даже банковские карточки, и цены доступные.

Утро нас встретило в Амурской области на станции Ерофей Павлович. В столице глубокая ночь, разница шесть часов. Отчётливо заметно, что приехали в другой регион. Торговли при вокзале нет, платформа разбитая, в придачу холод, дождь и поезд опаздывает на полтора часа. Как потом выяснилось, из-за ремонтных работ на данном участке магистрали.

Этот день по Приамурью, пожалуй, самый ненасыщенный на события. Редкие остановки, да и те по одной-две минуте. За окном привычные белые, иногда чёрные берёзки, да разноцветные луга, к которым прибавились фиолетовые полевые ирисы и жёлтые нарциссы, как будто заботливый садовник высадил их вдоль железнодорожной магистрали. Домишки небогатые, где временем побитые, где человеком. Выручают книги, дети да размышления. В качестве развлечения сходили в вагон-ресторан. Пройдя десять вагонов, не встретил ни в одном душевой кабины. Лишь в некоторых имеются телевизоры, да два купе приспособлены под инвалидов-колясочников. Меню остался тоже не доволен. Комплексные завтраки с кашей, чаем, бутербродом с сыром, бизнес-ланч, чай, кофе; банковские карточки не принимают, зарядки нет, как и интернета, половина ресторана завалена картонными коробками. Из посетителей – бритоголовые солдаты в тельняшках морпехов сидят с Балтикой в руках и обсуждают службу.

Лишь на станции Белогорск произошли изменения. Половина вагона сменилась, и запахло «жареным». Мне показалось, что за сутки в дороге наш вагон превратился в своеобразную коммуну. Все друг другу помогали, улыбались, здоровались по утрам, угощали детей, никто не боялся оставить гаджеты на зарядке в тамбуре. С приходом «гостей» убрали пилот, спрятали телефоны и проводница закрыла проходной тамбур. Новые пассажиры были налегке и выглядели навеселе. Раскрасневшиеся, пахнущие потом, с блестящими глазами, они с первых минут, не стесняясь спящих и детей, выказывали недовольство водой и грязью на полу, невозможностью курить. Периодически они всё же жадно курили между вагонами, несмотря

на протесты проводников и угрозы высадить их из поезда. Между делом то искали алкоголь, то смеялись да играли в карты, то нецензурно выражались. Лишь после ночной остановки в Бурее стало тихо и мы спокойно уснули.

Утро мы встретили на переезде через широкую мутноводную реку Амур. Вскоре показались дымящиеся трубы какого-то комбината, и мы въехали в город, утопающий в зелени и с остатками советской эпохи в виде серпов, молотов, звёзд и автобусов из фильмов 60-х годов.

Поезд за ночь нагнал двухчасовое опоздание, и ожидалась тридцатиминутная остановка. Наш хабаровский «друг» не пришёл на перрон и не отвечал на телефонные звонки, хотя вчера созванивались и он предлагал остановиться на ночёвку. Сегодня требовалась его помощь. Накануне ребёнок разбил губу, и образовалась массивная гематома. Коллега-стоматолог по вотцапу оценил фотографию повреждений и рекомендовал обработку салфетками с перекисью водорода и хлоргексидином. У проводников в аптечке лишь средства для остановки кровотечения, среди которых лишь жгут, бинт, зелёнка да йод.

Вагон опять обновлялся на треть, и я, выйдя с пассажирами, убежал на поиски аптеки и продуктовых магазинов. В Хабаровске доводилось бывать одним днём в 2002-м году, и за это время привокзальная площадь облагородилась и очистилась. Слева на привокзальной площади крупный круглосуточный супермаркет, в котором купил продукты на завтрак-обед. Цены чуть выше московских, но ниже перронных. А, пробежавшись по улочкам, нашёл и аптеку, в которой обнаружился и дефицитный в столичных фармациях дешёвый отечественный антисептик – хлоргексидин.

До окончания нашей поездки остаётся двенадцать часов. Вчера позвонил владелец хостела из Владивостока и поинтересовался временем приезда. Обещал, что встретит нас на вокзале. За окном солнечно, и приятная буйная зелень сопровождает наш путь.

Первая станция после Хабаровска – Вяземская —встретила нас широкой торговлей. Перед каждым вагоном пять-семь человек с самодельными прилавками. Местная клубника по сто рублей пол-литровая банка, тушки аппетитной копчёной и сушёной рыбы, красная икра в пластиковых контейнерах, домашние торты, пирожные, отварной картофель и прочие деликатесы для человека, утомившегося дорогой. Нет полиции, нет охраны, никто ничего не боится и непривычная тишина. Торговцы спокойно комментируют свой товар и не орут на всю платформу.

После Хабаровская поезд повернул на юг в долину реки Уссури, которая несколько часов сопровождала нас, то скрываясь, то показывая свои мутные воды, напоминающие глиняный раствор. По ней также проходит граница с Китаем, и мы могли наблюдать зеленые китайские сопки, которые ничем не отличались от наших. Иногда казалось, что еще чуть-чуть и вода накроет полотно. Окружающая растительность почти такая же, как в Средней полосе России: ивы, белые берёзы, низкорослые дубы, клёны. Лишь травы выше привычного и полевых цветов больше. Исчез кипрей, стало больше красных маков и фиолетовых ирисов, появились полевые ноготки. Остановки между станциями чаще и связь более устойчивая. За окном мелькают столбики с девятитысячной нумерацией. Мне показалось, что в Приморском крае самые большие огороды. Попутчица из соседнего отсека хвалится, что с мужем – военным пенсионером – переехала сюда из Забайкалья, где кроме картошки-капусты ничего не росло, а здесь «и вишня, виноград, клубника, груши вызревают…»

На станции Ружино наш поезд задержали дольше привычного. Как выяснилось, вагоны обходили сотрудники уголовного розыска. Их интересовали беременные пассажирки. Расспросив нас, откуда, куда едем, сфотографировав паспорт Нади, они пошли дальше. Нас удивило, чем мы могли привлечь внимание уважаемых людей? Лишь после их ухода проводница рассказала, что в поезде «Россия» где-то у Хабаровска совершено преступление. «Разродившаяся в поездке пассажирка выбросила новорожденного в окно», – шёпотом сообщила она

нам по секрету. Мы не перестаём удивляться нашим дорогам и пассажирам. Кажется, что ты в каком-то многосерийном кинофильме и всё происходящее нереально.

Уссурийск – предпоследняя станция перед Владивостоком. Остановка пятнадцать минут. Уже вечерняя прохлада напоминает о себе. Мы успели сходить на чистую цветущую привокзальную площадь, где купили местного мороженого. Цены ниже хабаровских, много пирожков, приготовленных по китайским рецептам на пару́, есть креветки в кляре в буфете. До конца поездки осталось полтора часа. Пассажиры напоследок заваривают «доширак» – самое популярное блюдо дороги и неспешно собирают постельное бельё, скорее по привычке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.